

Как известно, в славянских языках грамматической эвиденциальности нет. Исключение составляют болгарский и реже упоминаемый в этой связи македонский языки – правда, исключение, которое благодаря классической статье Р. О. Якобсона [Jakobson 1957] и многочисленным другим работам прославило свою языковую группу. Прочие славянские языки в типологии эвиденциальности обычно не упоминаются.

Однако ссылка на источник информации может выражаться не только грамматическими, но и лексическими средствами (а также «полуграмматическими» – такими, как частицы), и с этой точки зрения славянские языки оказываются благодатным полем для изучения. Здесь есть, правда, терминологическая проблема: следует ли ограничивать само понятие эвиденциальности только грамматикой или можно говорить о лексических маркерах эвиденциальности тоже? Первой точки зрения категорически придерживается А.Ю. Айхенвальд (см., в частности [Aikhenvald 2007]), с ней полемизирует во вступительной статье один из редакторов рецензируемого сборника (см. ниже). Как бы то ни было, изучение лексических средств указания на источник информации способно принести очень интересные результаты, что сборник и демонстрирует в полной мере.

Хотя книга называется «Лексические показатели эвиденциальности в славянских языках», абсолютное большинство статей посвящены не только эвиденциальным, но и эпистемическим значениям и их взаимодействию между собой, а некоторые – даже чисто эпистемическим маркерам, и в этом отношении очень напоминает другой недавно вышедший сборник – [Guentchéva, Landaburu (éds.) 2007].

Книга включает в себя 13 статей на немецком, русском, английском, польском и чешском языках, теоретическое вступление и немецкоязычный обзор работ, включенных в сборник. Последний будет полезен тем, кто не читает по-польски или по-чешски; впрочем, каждая статья снабжена также резюме на русском, немецком или английском языке.

Как было сказано, сборник открывается вступлением – статьей Б. Вимера «Лексическое выражение эвиденциальных значений: К построению теории и эмпирическому исследованию славянских языков». В ней лаконично, но вполне содержательно рассматриваются две теоретические проблемы. Во-первых, как следует и следует ли разграничивать эвиденциальные и эпистемические значения: считать ли их независимыми или эвиденциальность явля-

ется подклассом эпистемической модальности. Автор вкратце описывает историю вопроса и излагает разные ответы на него, не принимая, насколько можно понять, ни одну из сторон. Вторая проблема, уже упомянутая нами выше, – это можно ли говорить о лексической эвиденциальности или эвиденциальность может быть только грамматической категорией. Здесь Б. Вимер, продолжая линию своих предыдущих работ, более категоричен и отстаивает возможность лексических («непарадигматических») маркеров эвиденциальности.

Во-второй части статьи дается обзор исследований по лексическим маркерам эвиденциальности в славянских языках (и вкратце в языках вообще), работ по дискурсивным словам и эпистемическим маркерам в той степени, в какой они затрагивают проблемы эвиденциальности, по происхождению этих маркеров и т.д.

За вступлением следует обзор статей сборника, написанный также Б. Вимером. Далес статьи упорядочены по алфавиту фамилий авторов, однако мы здесь объединим их по близости тематики, тем более, что во многих из них рассматриваются одни и те же или близкие явления.

Общетеоретическое значение имеет статья В.С. Храковского «Эвиденциальность и эпистемическая модальность», в которой автор сопоставляет болгарский язык (имеющий грамматическую категорию эвиденциальности) и русский (не имеющий таковой) с точки зрения того, как выражается в них указание на источник информации. В тех случаях, когда в болгарском языке (обязательно) используется соответствующая глагольная форма, русский (факультативно) использует те или иные лексические средства (*видно, говорят* и т.д.). На болгарском материале также показывается различие категорий эвиденциальности и эпистемической модальности – таким образом, В.С. Храковский дает вполне определенный ответ на вопрос, поставленный во вступительной статье, о том, следует ли объединять или разделять эти две семантических области (ср. ниже о противоположном мнении М. Жабовской).

Целый ряд статей посвящен лексемам типа русских *очевидно, по-видимому, похоже, говорят* и т.д., их польским и одному чешскому аналогу.

Так, в статье М. Гроховского рассматриваются польские частицы *widać 1, 2, widocznie 1, 2 и najwidoczniej*. В отношении эвиденциальности интересны синонимичные *widać 2, widocznie 1 и najwidoczniej*, к которым в русском языке,

по-видимому, ближе всего очевидно и по-видимому; это показатели инферентивности, то есть умозаключения говорящего на основании наблюдаемых фактов (ср. *Zdymisjonowano go z dnia na dzień, widocznie / widać / najwidocznie oskarżenia wobec niego byli poważne* 'Его отправили в отставку за один день; видимо, обвинения против него были серьезные'). Отметим, что, как и их русские аналоги, рассматриваемые польские лексемы оторвались по значению от глагола 'видеть', от которого они произошли, и могут употребляться не только тогда, когда основания для умозаключения в прямом смысле видны (ср. приведенный пример).

Работа Б. Вимера посвящена сдвигу значения от инферентивного к цитативному значению на примере русских частиц *кажется*, *(как) будто (бы)*, *вроде*, *похоже*, *видимо*, *по-видимому*, *видно*, *очевидно* и польских *zdaje się*, *wydaje się*, *widać*, *widocznie*. Все они, по мнению автора, в современном русском и польском языках имеют инферентивное значение¹ и на его основе приобретают вторичное цитативное. Основой для этого перехода предлагается считать наличие в обоих случаях лишь косвенных данных о ситуации S, и конкретная природа этих косвенных данных определяется слушающим по контексту: «если в ходе такого анализа исключаются данные, косвенно связанные с S, за которыми говорящий мог проследить непосредственно, кооперативному адресату остается только заключить, что говорящий опирается на высказывания чужих лиц». Собственно, косвенные, а не прямые данные об описываемой ситуации – это и есть то, что отличает «косвенную эвиденциальность» от «прямой» и позволяет, в частности, многим языкам объединять инферентив и цитатив в одной граммеме (широко распространенный тип A1 по [Aikhenvald 2004: 26–29]). Интересно, что инферентивное значение развивается в цитативное, но, насколько известно, не наоборот (см. об этом в конце нашей рецензии).

Не согласимся с автором лишь в интерпретации некоторых примеров как инферентивных. С нашей точки зрения, они выражают лишь неполную уверенность говорящего, но не указывают ни на какие косвенные признаки ситуации или на умозаключение о ней. Таков, в частности, пример (7) *Леон провел ладонью по холодной трубе распределителя – не подтекает ли. Кажется, сухо*, в котором очевидно, что персонаж воспринимает сухость трубы непосредственно (ладонью; то же пишет об

¹ Это не означает, разумеется, что инферентивное значение у всех из них – единственное или даже первичное по отношению к другим употреблениям.

этом примере и Е.С. Яковлева [1994: 221], из работы которой он позаимствован). Нет оснований видеть инферентивное значение и в некоторых других примерах, в частности, (10) *Но это безобразие не самое страшное, когда я уезжал(а), оно вроде уже утряслось* – инферентивное прочтение здесь в принципе возможно, но из приведенного предложения никак не следует, да и из более широкого контекста, по меньшей мере, не очевидно².

Статья М. Жабовской также посвящена польским эвиденциальным частицам – *rzekomo*, *jakoby*, *widać*, *widocznie* и другим, – однако здесь они анализируются по-другому. В работе рассматриваются примеры типа польск. **Wiem, że Jacek wyjechał do Krakowa, bo – zdaniem Adama – tak jest* 'Я знаю, что Яцек уехал в Краков, потому что, по мнению Адама, это так'. Их невозможность показывает, что эпистемический компонент – сомнения говорящего в истинности ситуации или даже прямого утверждения ее ложности – является обязательной частью семантики этих частиц и даже, по мнению автора, рематической ее частью (при этом в теме находится само сообщение о ситуации). На этом основании делается вывод, что эти лексемы следует считать подклассом эпистемической лексики («*wyrażenia ewidencjalne należy opisywać jako podklasę wyrażen epistemicznych*»³), а не разделять, как это обычно делается, эвиденциальность и эпистемическую модальность.

Можно спорить, следует ли так жестко разделять на эвиденциальные и эпистемические лексемы, в семантике которых есть и тот, и другой компонент; возможно, это и имеет смысл, например, на основании того, какой компонент находится в реме. Во всяком случае, здесь нет противоречия с позицией других исследователей и, в частности, с работой [Wiemer 2006], с которой полемизирует М. Жабовская: Б. Вимер в указанной статье настаивает на разделении эвиденциальности и эпистемической модальности как значений, вполне допуская их совмещение в конкретных лексемах (впрочем, некоторые лексемы, в частности польск. *zdaniem* 'по мнению', он, в отличие от М. Жабовской, действительно считает чисто эвиденциальными). На то, что чисто эвиденциальные выражения, не содержащие эпистемического

² А кроме того, это цитата не из «Письма юноши другу», как указывается при примере, а из «Письма девушки подруге» – что, конечно, никак не влияет на ее инферентивную или эпистемическую интерпретацию.

³ Или, в формулировке английского резюме: «lexical markers of evidentiality constitute a subdomain of epistemic expressions».

оттенка, в польском языке существуют, указывается и в данной статье: это *X powiedział, że* 'X сказал, что', *w telewizji podali, że* 'по телевизору сообщили, что' и др. Если бы любая эвиденциальность с необходимостью включала в себя эпистемический компонент, такие выражения не могли бы существовать.

В работе Я. Хофманновой исследуются употребление чешской частицы *prý* (и ее разговорного аналога *prej* и диалектного *pré*). Частица, восходящая к 3-му лицу единственного числа глагола *praviti* 'говорить', употребляется как маркер цитатива, причем при ссылке как на чужие слова без указания авторства, так и на слова конкретного человека (reported vs. quotative по терминологии [Aikhenvald 2004: 177–178]). В статье подробно иллюстрируются разные типы ее употребления. Оказывается, что если в устной речи эта частица используется в основном как цитативный маркер, в письменной для нее очень характерны эпистемические употребления.

В некоторой степени исключением на фоне других работ выглядит статья В.А. Плунгяна, посвященная семантике русских частиц *мол*, *де* и *дескать*: у них, как кажется, не обнаруживается эпистемических значений, по крайней мере, в классическом их виде. Эти частицы традиционно считаются показателями цитативности, возможно, с некоторыми дополнительными компонентами значения. В работе показывается, что для современного русского языка это мнение не вполне верно. Рассматриваемые частицы анализируются как показатели не цитирования самого по себе, но различных способов цитирования: *мол* – нейтрального пересказа (при этом именно пересказа, а не точного цитирования), *дескать* – интерпретации и *де* – «(иронического) комментирования».

Попутно в статье делается интересное наблюдение о том, что эти частицы могут передавать не только чужую речь в узком смысле, но и жесты, взгляды, любое коммуникативное поведение. Впрочем, как раз в этом не стоит, на наш взгляд, видеть отличие рассматриваемых показателей от обычных маркеров цитатива: те также могут употребляться и при передаче той информации, которая была выражена невербально. Простейший пример – утвердительный кивок или отрицательное покачивание головой; вряд ли (хотя, разумеется, это тоже нужно проверить) в языке с грамматическим цитативом полученная таким образом информация не будет при пересказе оформлена цитативным показателем.

Большинство примеров в этой статье, как и в других статьях сборника, взято из корпуса (здесь – из Национального корпуса русского языка). Использование корпусов очень помога-

ет в исследовании того, что есть в языке. К сожалению, они не снимают проблему того, чего в языке нет: неприемлемость сконструированных примеров «со звездочкой» остается предметом интуиции автора и не всегда очевидна для читателя.

В двух статьях рассматривается взаимодействие грамматических эвиденциальных форм с лексическими показателями эвиденциальности (М. Макарец) и эпистемической модальности (П. Кехайов).

В работе М. Макацева «К вопросу о связи лексических и грамматических показателей в болгарском языке» исследуется вопрос об употреблении эвиденциальных форм при глаголе (*раз*)*казвам* / (*раз*)*кажа* 'говорить' / 'сказать', при цитативной частице *кай* и при частице *май* (*че*) 'может быть, наверное и т. п.' (точный перевод ее дать сложно). Статья предварена обширным вступлением о структуре эвиденциальных и не-эвиденциальных форм болгарского глагола. Употребление тех или иных форм в указанных контекстах оказывается совершенно неоднозначно и сложно предсказуемо; на их выбор, по мнению автора, влияет а) факт засвидетельствованности самим говорящим пересказываемого факта и б) оценка его достоверности (что, безусловно, говорит о близости эвиденциальности и эпистемической модальности, по крайней мере, в болгарском языке), а также временной план повествования. При этом оказывается возможным, в частности, сочетание «видел, но не верю» (не вполне ясно, к сожалению, что оно может значить). В статье рассматриваются также интересные случаи «двойного пересказа» типа «X сказал, что Y сказал, что P», которые также демонстрируют не всегда ожидаемое употребление эвиденциальных и не-эвиденциальных форм.

В обширной статье П. Кехайова на примере болгарского и эстонского языков рассматриваются возможные способы взаимодействия (грамматического) показателя эвиденциальности с (лексическим) маркером эпистемической модальности. Воспользуемся примером автора: болгарская фраза *Стефан май бил от Бургас* (где *май* значит приблизительно 'может быть', а *бил* – эвиденциальная форма от глагола 'быть'⁴) может, по мнению автора статьи, иметь четыре интерпретации: а) 'Говорящий слышал, что Стефан, вероятно, из Бургаса'; б) 'Говорящий полагает / ему помнится, что он слышал, что Стефан из Бургаса'; в) 'Говоря-

⁴ Мы не вдаемся здесь в тонкости болгарских эвиденциальных форм, о которых написана обширная литература, – обзор их см., в частности, в упомянутой выше статье М. Макацева.

ший слышал, что Стефан из Бургаса, и полагает, что он (вероятно) из Бургаса'; г) 'Стефан, кажется (по мнению говорящего), из Бургаса (и так говорят)'.⁵

Первые две интерпретации различаются тем, входит ли эпистемический маркер в сферу действия эвиденциального или наоборот; П. Кехайов объединяет эти две интерпретации под термином «scopal» (от *scope* 'сфера действия'). Третью интерпретацию автор называет «аналитической» (analytic): ни один маркер не входит в сферу действия другого, и они «независимо модифицируют пропозицию». Наконец, четвертая называется «холистической», или «согласованной» (holistic, или concord), и именно ей в основном посвящена статья. В статье показывается, что, по крайней мере, в эстонском и болгарском языках – а, по-видимому, и в языках вообще – холистической интерпретации способствуют лексемы средней (по классификации автора) степени уверенности, т.е. выражения типа *вероятно*, *может быть* и т.п., а также, в случае цитатива, ссылка на неопределенный источник информации вместо определенного⁵.

Надо признать, что различие между третьей и четвертой интерпретациями, которые (особенно четвертая) и составляют главный сюжет статьи, остается не вполне ясным. Сам Кехайов говорит, что неоднозначность приведенного болгарского примера происходит из «различных возможностей анализа структуры предложения, т.е. из неоднозначности между свободным сочетанием (free-collocation) и более идиоматическим прочтением (more idiomatic reading) последовательности грамматического и лексического маркеров». Насколько можно понять из статьи (в частности, из анализа эстонских примеров), реально «аналитическая» интерпретация возникает тогда, когда эпистемический маркер выражает высокую или, наоборот, низкую степень уверенности; когда же выражаемая им степень уверенности средняя, более вероятно «холистическое» понимание – по-видимому, за счет того, что он фактически ничего не добавляет к присутствующим по умолчанию эпистемическим коннотациям эвиденциального показателя. Вероятно, этим же объясняется тенденция к идиоматизации рассмотренной выше болгарской конструкции.

Один из возможных источников эвиденциальных показателей исследуется в статье А.Б. Летучего «Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность», в которой автор обращается к русским сравнительным (по крайней мере, по своему основному употреб-

лению) конструкциям с *как будто* (бы), *будто* (бы), *словно*, *как бы*, рассматривая и объясняя их употребление в эвиденциальных значениях – цитативном (*Перед смертью он будто бы принял ислам* '...как говорят, принял...') и имперцептивном (в терминологии автора – имперцептивном: *Входи. – Ты как будто работал, можешь работать дальше*)⁶. Во второй части статьи подобная полисемия демонстрируется на материале ряда других языков. Объясняется эта полисемия тем, что и сравнительные конструкции, и эвиденциальность принадлежат к области ирреальности⁷. Что есть ирреальность, в статье не определяется, но, насколько можно судить, имеется в виду распространенное понимание ирреальности как общей семантической зоны, объединяющей все глагольные значения, которые не утверждают, что ситуация имела место, т.е. будущее время, различные косвенные наклонения, условные конструкции, контрфактивность, или ирреальность в узком смысле (русское условное наклонение), и т.д. – в сущности, все, кроме прошедшего и настоящего времени.

Нельзя не сказать, что объяснение полисемии только «соседством» внутри большой семантической зоны (вообще говоря, довольно распространенный путь для таких объяснений) опасно тем, что немедленно возникает вопрос: а почему рассматриваемые показатели не используются для выражения других значений из той же зоны? В нашем случае – почему русские сравнительные показатели не используются, к примеру, для вопросов (в статье отмечается, что «вопросительные конструкции, по данным многих языков, могут принадлежать к зоне ирреалиса») или для будущего времени? Вероятно, должны быть какие-то более нетривиаль-

⁶ Заметим, что в ряду рассматриваемых русских союзов отсутствует, казалось бы, наиболее очевидный кандидат – *якобы*, который прошел полный путь от сравнительного союза до маркера цитатива (с дополнительным компонентом – ложности пересказываемой пропозиции). Вероятно, это объясняется именно тем, что в современном языке *якобы* уже никак нельзя отнести к показателям сравнения – впрочем, еще недавно оно употреблялось шире, чем сегодня (см. [Перфильева 1992; Rakhilina 1996]).

⁷ По-видимому, эвиденциальность, по мысли автора, – через принадлежность к эпистемической модальности. Очень характерна следующая цитата (разрядка наша): «[приводимый пример] в естественной ситуации обозначает имперцептив [инференциальность. – В.Г.] (и, шире, неуверенность в наличии ситуации)...»

⁵ Т.е. «reported», а не «quotative», в терминах [Aikhenvald 2004: 177–178].

ные общие компоненты двух рассматриваемых значений. Кроме того, сама универсальность категории ирреалиса вызывает большие сомнения. В ряде языков категория реалиса / ирреалиса, без сомнения, существует, однако она объединяет разные наборы граммем (см. [Урманчисва 2004]).

Кажется, что есть другой путь объяснения использования показателей сравнения для выражения инференциальности и ссылки на чужие слова. Инференциальность напрямую основана на сравнении наблюдаемой ситуации с той, которая должна была бы быть, если бы было *P*: *Ночью как будто был дождь* и значит 'все выглядит так, как будто ночью был дождь; следовательно, ночью был дождь'. Переход же от инференциальности к цитативности засвидетельствован независимо (см. выше о работе Б. Вимера в рецензируемом сборнике).

Особый случай цитативности рассматривается в статье А. Богуславского «Об одном случае локутивной эквивалентности». Она посвящена польским «вводным» конструкциям с предикатами мнения или суждения, вводимыми союзом *jak*, типа *Lepszy byłby, jak on sądzi, inny tytuł* 'Лучше было бы, как он считает, другое название' или *Jak twierdzi burmistrz, wczoraj odśnieżono 10 ulic* 'Вчера, по словам мэра, от снега было очищено 10 улиц'. В авторской нотации эти конструкции представлены как «*jak E'(α), F(b)*», где *jak E'(α)* – это суждение, на которое ссылается говорящий (например, *как он считает*), а *F(b)* – сама пропозиция (*другое название было бы лучше*). Значение этой конструкции, по мнению автора, состоит в следующем: если суждение *E'(α)* истинно, то истинна и пропозиция *F(b)*, и наоборот – если истинно *F(b)*, то истинно и суждение *E'(α)*⁸.

Среди всех свойств этой конструкции, часть из которых обсуждается в статье, а часть оставлена автором для дальнейшего исследования, для нас здесь важно ее истинностное значение. С одной стороны, говорящий не утверждает, что *F(b)* истинно, и этим она отличается от фраз типа *Jak // Tak jak się spodziewaliśmy, zebranie było odłożone* 'Как мы и ожидали, собрание было отложено' (в польском формальным отличием этого последнего типа от рассматриваемого в статье является возможность замены *jak* на *tak jak*), в которой истинность *F(b)* утверждается (а вводная часть лишь сообщает, что предварительное суждение было правильным); с другой стороны, говорящий не дистанцируется от истинности *F(b)*,

как в предложениях типа *Мэр утверждает, что вчера было убрано 10 улиц*. В рассматриваемых конструкциях говорящий не утверждает истинность пропозиции, но лишь допускает ее (А. Богуславский предлагает называть этот тип ассерции «возможным»); поэтому, в частности, невозможно указание на ложность суждения *E'(α)* (**Вчера, как солгал мэр, было убрано 10 улиц* в отличие от *Мэр солгал, что вчера было убрано 10 улиц*).

Легко видеть, что эта конструкция представляет собой своего рода цитатив, но цитатив особого рода, в котором пересказывается не сама пропозиция, а суждение о ее истинности; вероятно, можно называть это значение «эпистемическим цитативом», и его существование подтверждает точку зрения о том, что эвиденциальность и эпистемическая модальность – это отдельные области значений, хотя иногда и взаимодействующие друг с другом. Во многих случаях, разумеется, цитирование самой пропозиции и суждения о ее истинности эквивалентны, как в приводившемся выше примере про уборку улиц, который в языке с грамматическим цитативом был бы, по-видимому, оформлен соответствующим показателем. Но это не всегда так: ср. такие вводные обороты, как *по его мнению*, *как он считает*, *как ты хорошо знаешь* и др. Возможно, следовало бы выделять это значение как отдельную разновидность цитатива, если, конечно, не считать, что эвиденциальность должна обязательно иметь грамматическое выражение.

Наконец, две работы почти не затрагивают эвиденциальной семантики и посвящены чисто эпистемическим маркерам.

В статье М. Данелевичевой рассматриваются принципы описания класса польских слов, которые она называет «эпистемическими наречиями», – а именно *przypuszczalnie* 'предположительно; вероятно', *niewątpliwie* 'несомненно', *oczywiście* 'очевидно' и т.п. Эти слова, внешне сходные с наречиями, отличаются от них рядом важных свойств. В статье перечисляется несколько (а именно, двенадцать) типичных ошибок, возникающих при описании такого рода единиц не только в польском языке. Впрочем, постулируемые в статье методологические принципы полностью применимы к описанию любых лингвистических явлений, далеко не только в польском языке.

Статья Ф. Лемана, посвященная переходу эпистемических маркеров уверенности к значению, напротив, неуверенности, озаглавлена «*Очевидно не значит глазам видно...*», но использует существенно более широкий немецкий и русский материал, иллюстрирующий одну и ту же тенденцию: лексемы, изначально выражающие отсутствие сомнений говорящего

⁸ Трудно не заметить, что предложение, к которому относится эта сноска, само является примером рассматриваемой А. Богуславским конструкции.

относительно сообщаемых фактов, постепенно начинают выражать, наоборот, наличие таких сомнений. Примеров достаточно много: это *очевидно / offentsichtlich / offenbar, несомненно / zweifellos, наверное / wahrscheinlich*, а также *должен / muss*. Этому процессу предлагается убедительное прагматическое объяснение: наличие эпистемических показателей уверенности само по себе снижает степень уверенности высказывания, поскольку указывает на возможность сомнения.

Не согласимся только с автором относительно лексики *определенно*: возражая В.С. Храковскому [2005: 93 и сл.], Ф. Леман утверждает, что *определенно*, как другие приведенные выше лексемы, выражает неполную уверенность. По нашему мнению, *определенно*, как и пишет Храковский, означает именно отсутствие сомнений у говорящего (и примеры из статьи Лемана это скорее подтверждают, чем опровергают), но вместе с тем не противоречит тенденции, о которой идет речь: просто *определенно* находится в начале того пути, по которому уже далеко ушло *наверное* и чуть менее далеко *несомненно*. Аналогичный пример – *без всякого сомнения*, которое заменило «скатившееся в неуверенность» *без сомнения*, но вскоре тоже, *несомненно*, пойдет по этому же пути⁹. Такого рода циклы – когда на место старых форм, значение которых изменилось, встают новые и постепенно сами меняются в том же направлении – разумеется, хорошо известны и в грамматике, и в лексике.

Через весь сборник проходит тема взаимодействия эвиденциальной и эпистемической семантики, причем взаимодействия как синхронного, так и диахронического. Представляется, что рассмотренный в нем материал позволяет сделать два основных вывода. Первый – что невозможно говорить о лексических показателях эвиденциальности без учета их эпистемических значений. Это ни в коей мере не означает, что эвиденциальность является подклассом эпистемической модальности. С нашей точки зрения, это, безусловно, отдельные семантические поля, что доказывается возможностью ссылки на источник информации без каких-либо эпистемических «обертонов»: это, с одной стороны, грамматические эвиденциальные маркеры в различных языках, а с другой – эксплицитные сообщения типа *По телевизору сообщили, что...* (см. выше в связи со статьей М. Жабовской). Однако факт остается фактом: лексические показатели эвиденциальности, по крайней мере, в славянских языках, редко не несут одновременно эпистемической семантики и, более того, часто дрейфуют от эвиденциальности к эпистемической модальности (см. ниже). Объяснение этому можно видеть именно в лексическом статусе исследуемых показателей и, следовательно, в их необязательности. Возможность опустить указание на источник информации придает особое значение его наличию; при этом и появляется оттенок сомнения (из фразы *Говорят, человек произошел от обезьяны*, скорее всего, следует, что говорящий не уверен в этом факте). Именно этот прагматический оттенок имеет тенденцию закрепляться в семантике, а со временем и вытеснять исходный эвиденциальный компонент.

Второй вывод касается истории эвиденциальных показателей – в том числе пред- и «пост-истории». Мы видели (в статье Б. Вимера), что инферентивное значение развивается в цитативное, но, насколько известно, не наоборот – возможно, по причине того, что последнее значение более узко: чужие слова можно считать подвидом «косвенных данных», и поэтому инферентивное (в широком смысле) высказывание можно в соответствующей ситуации понять как отсылающее к чужим словам; но эксплицитное указание на чужие слова невозможно понять как ссылку на какой-то иной источник информации. Напротив, цитатив, как и другие эвиденциальные маркеры, может приобретать эпистемическое значение (ср. в статье М. Стемпень относительно польского *rzekomo*). Учитывая, что инферентивные показатели часто возникают из «визуальных» (*видимо, очевидно* и др. – см. специально статью Ф. Лемана), вырисовывается в целом однонаправленное семантическое развитие: визуальное восприятие → инферентив → цитатив. Трудно не увидеть здесь сходства с общепринятой в языках иерархией выбора эвиденциальных граммем в ситуации, когда имеется одновременно несколько источников информации, по которой можно судить о ситуации – см. [Aikhenvald 2004: 305–309]. Другим источником эвиденциальных маркеров могут становиться конструкции сравнения (см. работу А.Б. Летучего). Далее все эвиденциальные показатели могут выходить за пределы эвиденциального круга значений и приобретать эпистемическую семантику неуверенности (как, например, русск. *видимо*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Перфильева 1992 – Н.П. Перфильева. Модальная частица *якобы* // И.П. Матханова (ред.). Модальность в ее связи с другими категориями. Новосибирск, 1992.

Урманчиева 2004 – А.Ю. Урманчиева. Седьмое доказательство реальности ирреали-

⁹ Ср. еще полностью аналогичные французские примеры *sans doute* и *sans aucun doute*.

- са // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность. (Исследования по теории грамматики, 3). М., 2004.
- Храковский 2005 – В.С. Храковский. Эвиденциальность и эпистемическая модальность // В. Hansen, P. Karlík (eds.). *Modality in Slavonic languages*. München, 2005.
- Яковлева 1994 – Е.С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. *Evidentiality*. Oxford, 2004.
- Guentchéva, Landaburu (éds.) 2007 – Z. Guentchéva, J. Landaburu (éds.). *L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*. Louvain; Paris, 2007.
- Jakobson 1957 – R. Jakobson. *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Harvard, 1957 (перепечатано в: R. Jakobson. *Selected writings*. V. 2. The Hague, 1971). Русский перевод: Р.О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Б.А. Успенский (ред.). *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972.
- Rakhilina 1996 – E.V. Rakhilina. *Jakoby comme procédé de médiatisation en russe* // Z. Guentchéva (éd.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain; Paris, 1996.
- Wiemer 2006 – B. Wiemer. *Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study)* // *Studies in Polish linguistics*. 2006. № 3.

В.Ю. Гусев